

Свой среди своих

Культура. - 1995. - декабрь. - с. 9

МЕТАМОРФОЗЫ

Анатолий МАКАРОВ

Нынешнюю Москву "тусовками" не удивишь. Однако та, что сопровождала вернисаж Юрия Купера в залах частных коллекций Музея имени Пушкина, резко выделялась на фоне самых престижных нынешних презентаций и премьер. Как бросались бы в глаза, скажем, завсегдатаи светских салонов "Серебряного века" русской культуры среди эпохальных знаменитостей.

Разумеется, всякое сравнение — метафора, в каждом чувствуются преувеличение и натяжка. Однако в этом, право же, есть резон: в толпе ценителей живописи преобладали не нынешние "звезды" телевизионных викторин и игрищ, не авторы постмодернистских романов и скандальных статей, не "золотая молодежь", фигурирующая на страницах всех без исключения бульварных изданий, а знаменитости прошлых лет, почти легендарных уже времен застоя. Конечно, потускневшие несколько, но еще не позабытые — у российской публики, на наше счастье, долгая память, — приобретенные приметы какого-то особого антикварного благородства, какое всегда свойственно предметам ручной работы, уже не претендующим на то, чтобы быть в моде и в ходу. А главное, как бы возместившие свою былую славу, свой вчерашний успех своим нынешним то ли окончательным, то ли временным пребыванием в Париже, в Нью-Йорке, в Милане или в Мюнхене... По давней советской, правда, уже убывающей традиции, это до сих пор считается признаком процветания. Чисто внешне воплощенного в той элегантно скромности, которой решительно не хватает самым "продвинутым" из нынешних воротил шоу и арт-бизнеса. Впрочем, сама выставка Юрия Купера, одного из редких бывших советских художников, добившихся на Западе и высокой репутации, и высоких гонораров, служила своего рода оправданием того выбора, который десять, пятнадцать, двадцать лет назад сделали эти люди.

Ибо с Юрием Купером было все ясно. Доказательством его, может быть, не массового, скорее, так сказать, элит-

ного успеха за рубежом служили его работы (сами по себе элитные при их неслыханной простоте) и то также, что представили их в московскую экспозицию крупнейшие мировые коллекционеры.

Таким образом, любой из живущих на Западе российских художников (в широком смысле слова) получил на мгновение иллюзорную возможность приобщиться к европейской славе собрата по эмиграции и поколению. Вернее, как бы примерить на себя его славу: все равно, мол, один из наших, стоит ли считаться... В такой вот праздничный, ностальгический момент торжества справедливости, разумеется, не стоит. А вообще, вспомним интервью пяти-, семилетней давности, какие раздавали нашим легионерным газетам наезжавшие на Родину добровольные или вынужденные изгнанники. Понятно, что никто из них не хотел жаловаться. Жаловаться вообще стыдно. Винить кого-либо или благодарить себя за свою по-новому сложившуюся судьбу тоже ни у кого не было намерения. Предпочитали намерекать, что все у них в порядке. (На мой взгляд, вполне благородная позиция). Известное дело, с долей некоторого протестного преувеличения. Снимаюсь, ставлю, выставляюсь... На всех нас, мало знакомых с зарубежной конъюнктурой, это производило впечатление. Воображению рисовался Голливуд, Бродвей, Елисейские Поля. Потом мы сами малопомалу выбрались за бугор, и выяснилось, что снимаются наши любимцы (если снимаются) большей частью в фильмах какой-то малопочтенной категории, издаются крохотными тиражами для своей, как говорится, компании, а спектакли ставят в труппах, которые на привычный манер точнее надо бы назвать кружками самостоятельности при церкви или синагоге.

Короче, былых, наивно или, повторяю, невольно хвастливых признаний бывших советских писателей, живописцев, актеров ныне в российской прессе почти не найти. Интервью такого рода сделались трезвее, откровеннее и горше. Однако зазвучала в них одна вовсе неожиданная нота. Читаю, например, беседу с Александром Миттой. В советские времена это был, несомненно, хороший, мастеровитый режиссер, автор пусть не мировых шедевров, но, несомненно, симпатичных, популярных картин. Среди киношной общест-венности слыл человеком активным, неравнодушным, ищущим своего рода философский камень-формулу всеоб-

щего зрительского успеха. Теперь он почти со злорадством заверяет читающую публику, что советское кино умерло, и этому нельзя радоваться. Я бы еще согласился с этим постулатом, если бы чувствовал, что режиссер имеет в виду цензуру, идеологические тиски, необходимость учитывать трусливые капризы начальства и так далее. Но нет же, он призывает забыть все фильмы, снятые до девяносто первого года, в том числе и его собственные. Я долго не мог взять в толк, в чем причина такого самоотвержения и такого желания не помнить родства. И вдруг меня осенило, да у него же обо всем сказано! Подобно многим бывшим советским кинематографистам, Митта не смог пробиться в Голливуд, по-видимому, окончательно смирился с этим обидным фактом своей биографии и готов на зло самому себе перечеркнуть весь свой творческий путь. Раз он не привел в эту вожделенную кинематографическую Мекку, значит, его как бы и вовсе не было. Отчаянная логика! Вообще-то натуры менее изысканные рассуждают проще: если Голливуду я не нужен, то видел я его в белых тапочках. Прimitивно. Здесь же прямо-таки подвиг самоотречения, подержанный в том или ином виде многими отечественными творцами, не снискавшими на Западе вожделенной славы. Меня в Америке не переводят, значит, все наши русские книги собрать бы да и сжечь. Меня не приглашают ставить ни в Париж, ни в Лондон, значит, весь наш хваленый российский театр со всеми его системами и школами гроша медного не стоит. Самое примечательное, что в этом злорадном нигилизме улавливается неподдельная драма. Искренняя боль за то, что жизнь прожита не на той творческой улице. И это вроде бы должно вызывать уважение. Однако по зрелому размышлению, вызывает протест.

Ибо ни на Голливуде, ни на Бродвее, ни на других местах престижных мировых тусовок свет клином не сошелся. И не в том, быть может, заключается наш провинциализм, что работаем мы не в соответствии с американскими стандартами, а в том, что все свои заветные замыслы, самые заветные движения художественной души меряем на бесознательно американский аршин. Пройдет "там" или не пройдет? И добро бы, скажем, чисто техническое обеспечение замысла имелось в виду, так нет же, происходит именно душевная ориентация якобы на мировой рынок, а на самом деле на вкус, условно говоря, голливудских про-

дюсеров. Такая вот высшая "инстанция", покруче идеологического отдела ЦК. А где же та внутренняя, та, по блоковскому выражению, "тайная" свобода, которую так упорно оберегали и лелеяли мы в советские годы? Разве не она привела к созданию тех произведений, без которых невозможно теперь представить русское сознание? Что, не так уж много их и было? Но ведь их никогда и нигде, ни в одну эпоху и ни в одной стране много не бывает. И о каком же внутреннем освобождении может идти речь, если то и дело оглядываться, а соответствует ли мой труд каким-то там умозрительным вкусам умозрительной американской или европейской публики.

Опять же можно такую ориентацию принять, если подразумевать учебу сугубо профессионализму, умению работать организованно и постоянно. Но ведь призывают отказаться от своего внутреннего естества, от своих надежд, обид, иллюзий, упований, обманов и клятв, короче, от того самого "сора", из которого, по ахматовской мысли, "растут стихи", то есть фильмы, романы, спектакли и картины.

"Сор" этот должен быть своим, родимым. Бывали иногда случаи, когда писателю или режиссеру, актеру или живописцу удавалось вырастить "стихи" из чужого "сора", но крайне редко. Почти что никогда. Потому-то русскому художнику легче стать всемирным и мировым, чем американским или французским.

В первом случае нет нужды менять ни кожу, ни кровь, свой собственный опыт возводится в "перл создания". Во втором — требуется именно переродиться, измениться внутренне и внешне.

Конечно, не известно, что легче. Однако потерпевшими фиаско выглядят чаще всего вторые, не преуспевшие в преобразении на иной почве. Время от времени они наезжают к нам (к себе?) в Россию. Если не удостовериться, что их помнят, то хотя бы продемонстрировать чисто зрительные приметы безупречного вкуса и художественной респектабельности. Своими они уже не выглядят. Но и чужими до конца — то есть далекими и непостижимыми — не воспринимаются.

Этого ли они хотели? Удовлетворены ли этим своим положением?

Не берусь судить.

Могу лишь строить догадки.

Купер Юрий

9.9.95.